

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава IX

В двенадцати милях к западу от дымящихся руин аббатства Гардиенс одинокая фигура.

В последних лучах утренней луны он размеренно шагал. Сгорбившись и до отказа нагруженный вчерашними, пусть и ниспосланными Богом, дарами из аббатской кухни, брат Николай нес через плечо переполненную монашескую ряску, полную припасов.

Николас с трудом взобрался на каменистый гребень и, опираясь на колено, тяжело дышал, его дыхание затуманивалось холодным ночным воздухом. Там, вдали, через широкую равнину древнего, давно пересохшего русла реки, стоял вход в пещеру, которую он обнаружил много лет назад — Горный Устье, как он её называл. Он осторожно спустился с гребня, пересёк огромную каменистую долину и вошёл в эту массивную чёрную дыру.

Из глубины пещеры раздался эхо голоса: «Монах?» Из темноты вырвался заливистый смех мальчика . «Я знал, что ты придёшь! Знал!»

Николай ответил, углубляясь в темноту : «Лазарь; это я...»

И прежде чем монах успел представиться, Лазарь промчался мимо каменного угла и резко врезался в него. И монах, и оруженосец упали на землю. Припасы

Разлетелись вдребезги, словно головка сыра, покачиваясь по полу пещеры.

«Боже мой! Лазарь, — фыркнул Николай, — ты напугал ... о нет!» Монах, на ощупь пробираясь сквозь темноту, бросился к самодельному мешку. Внутри он обнаружил целую и запечатанную флягу с кровью. Он глубоко вздохнул с облегчением. «Слава Богу», — пробормотал он, поцеловав флягу и осторожно положив её между вещами.

«Монах... Николай? Простите меня, монах». Лазарь поднялся на ноги, принес головку сыра и спросил: «Где монах Одно?»

«Через минуту помогите мне собрать необходимые припасы. Пощупайте их».

Лазарь осторожно положил сыр в мешок, не трогая бутылку внутри, и из ткани послышался приятный аромат. «Я соберу их, монах», — ответил Лазарь, тон его голоса изменился, теперь он казался подавленным и тяжелым.

Николай вслух задумался: «Если я правильно помню, с противоположной стороны этой горы растет роща ». Монах резко встал и, словно задумчиво, погладил подбородок. «Огонь, прежде всего — нам нужен огонь». Николай направился к входу в пещеру. Лазарь стоял неподвижно, словно статуя, настороженно глядя на мешок, как будто что-то могло пойти ужасно не так.

вместе с ним.

«Лазарь, пойдй со мной».

«Да, монах». Лазарь оторвал взгляд и последовал за Николасом из Горного Уста вдоль его более пологого, залитого лунным светом склона.

«Даже кости у меня замерзли — для такой скромной одежды, как наша, этот лесной туман беспощаден». Николай быстро потер руки и обернулся, добавив: «Я принес маленькую масляную лампу с маслом, веревочный фитиль и огниво с кремнями. Теперь мы начнем «Собрать сухие ветки и прогнать этот назойливый сырой холод?»

«Да, монах».

Наконец, в глубине пещеры, Лазарус и Николай сидели на паре приземистых валунов, а между ними потрескивал костер. Его оранжевое свечение прогоняло холод и открывало взору невероятно неровные подземные размеры пещеры. «Огонь, наконец!» Николай склонился над поднимающимся пламенем, согревая руки. Он взглянул на груды. Он поставил рядом топливо и предусмотрительно выбрал несколько веток, чтобы подбросить их в огонь.

Лазарь всматривался сквозь огонь, разглядывая искусно сшитые сапоги Николая до середины икры.

«Где ваши сандалии, монах?»

Николас усмехнулся. «Ушли. Тебе нравятся мои сапоги?» Николас покрутил их взад-вперед в свете камина.

«Да», — ответил Лазарь.

Я их сам сделал. Держу пари, вы не знали, что я когда-то был сапожником, правда?»

«Нет, монах».

«Пожалуйста, называйте меня только Николасом, Лазарем».

Мальчик кивнул. «Ты умеешь делать обувь, Николас?»

«В самом деле, и даже самые лучшие. Это последняя пара, которую я сшил перед тем, как прийти в аббатство». Николас оглядел свои ботинки. «Хотите послушать о моих старых сапожных временах?»

«С удовольствием», — ответил Лазарь, взглянув на свои грязные варежки.

«Тогда я должен тебе рассказать». Николас переместился на валуне и наклонился к пламени, положив руки на колени. «Когда я был намного моложе, я жил с отцом и старшим братом в Эфраиме — живописной деревушке на южной окраине Бургундии. Мой отец Он был деревенским сапожником — он учился у моего деда. Мы все работали в мастерской, шили и чинили обувь. Отец надеялся, что мы с братом сможем продолжить это дело. торговля».

«Однако, дело дошло до того, что мой отец заболел и больше не мог управлять магазином. Поэтому он полагался на нас, чтобы мы продолжали его содержать. Это было ужасно — почти вся работа легла на меня».

Лазарь спросил: «Твой брат не хотел их делать?»

Николас покачал головой: «Да, конечно, он всем сердцем хотел пойти по стопам отца. И он очень хотел учиться. Но Бог никогда не предназначал ему быть сапожником — попытка за попыткой у него ничего не получалось. И почти всегда мне приходилось идти за ним и переделывать обувь, которую он пытался починить. Так продолжалось очень долго, и большую часть дней я работал до поздней ночи».

«Ты рассказал отцу?» — спросил Лазарь.

«Нет», — прокашлялся Николас. — «Отец умирал, мы с братом были как волки, готовые перегрызть друг другу глотку, а магазин разорялся. В его ухудшающемся состоянии я не мог заставить себя беспокоить его».

Лазарус заметил набухшие слезы на натянутой улыбке Николаса. «Я часто задавался вопросом, почему я сделал то, что сделал. Видите ли, как и каждое утро, я шел в магазин, однако во время моего последнего похода, вместо того чтобы войти в дверь, я прошел мимо магазина и просто продолжил идти — прочь от магазина — из деревни — и в конце концов, из Бургундии». Николас опустил взгляд: «Я оставил всё позади, кроме этих ботинок».

«Некоторое время я скитался, работая в нескольких сапожных мастерских, чтобы заработать на жизнь. Но вскоре после этого Господь коснулся моего сердца во сне; Он взволновал мою душу. Он призвал меня».

«Он позвал меня и привел мои ноги в аббатство Гардьен, чтобы я искал уединенной жизни в служении Ему. И, как ни странно, я чувствовал больше свободы в стенах этого аббатства, чем когда-либо за его пределами». Николас покачал головой, на его лице появилась своеобразная улыбка. "Странный."

«А что же твоя семья?» — спросил Лазарь.

«Вскоре после приезда я написал брату. Я не ожидал ответа, но он ответил, сообщив, что наш отец умер вскоре после моего отъезда. Потом я также узнал, что брат продал магазин из-за долгов и... в общем, попросил меня больше никогда ему не писать». Он винит меня в смерти нашего отца — во всем этом.

Николас наклонился и подбросил дров в огонь. «Одино мне все рассказал, Лазарус. Я знаю, почему ты носишь капюшон». Голова Лазаруса тут же откинулась назад; и за безжизненными прорезями в капюшоне, блестящими в идеальном свете огня, Николас увидел пару глубоких, пронизательных голубых глаз, смотрящих прямо ему в глаза. «Не беспокойся обо мне, Лазарь. Как и в случае с Одино, и с твоим отцом, твоя тайна в безопасности со мной». Лазарь повернулся к пламени, ничего не говоря.

«Ты можешь говорить со мной открыто, Лазарь. Считаю меня скорее другом, чем монахом». Николай засунул палку в огонь и откинулся на свой валун.

«И твой отец, и Одино рассказывали мне, что тебя бросили у ворот аббатства Гардиенс незадолго до моего приезда. И что ты болел воздушной болезнью, из-за которой тебе нельзя было покидать катакомбы. Ничего из этого не было правдой, не так ли?»

Наконец Лазарь признался: «Нет. Но отец запретил мне говорить правду. Он сказал, что...» Другие монахи могут убить меня, если я расскажу им правду о себе.

«Ваша болезнь никогда не была вызвана воздействием открытого воздуха, как он утверждал, — она была вызвана тайным воздействием солнечного света — у вас серьезная болезнь, связанная с солнцем, не так ли?»

"Да."

«И врач, которого Иван вызвал в Гардиенское аббатство, чтобы тот записал вашу болезнь». Аббат?»

«Я никогда не был у врача. Возможно, отец договорился, чтобы кто-нибудь явился...»

«Теперь я понимаю. Лазарь, твой отец говорил правду — они бы тебя непременно убили».

Оглядываясь назад, я ясно это вижу. Твой отец очень любил тебя, Лазарь.

«Да, он это сделал; я его люблю».

«Куда твой отец тебя спрятал с самого рождения?»

«Он нашел меня в соборе и спрятал в катакомбах — в крипте Бастон».

«В самом аббатстве?! Как ему удавалось скрывать от кого-либо, что тебя узнают?»

«Он настаивал, чтобы я молчал и держал дверь склепа запертой. Так я и поступил».

«Он сказал что?! Ты умеешь говорить с рождения?»

«Нет. Отец быстро меня научил».

«И, возможно, вы быстро научились. Скажите, как долго вы прятались в склепе?»

«Возможно, год. Потом отец сшил мне маску и мантию и сделал вид, что нашел меня брошенным у северных ворот аббатства, — а я притворился больным». Николай снова потрескивал огонь в камине, поглаживая подбородок и обдумывая все, что ему рассказал Лазарь.

«Ты не похож на остальных... э-э, я хочу сказать... судя по твоему внешнему виду, ты больше похож на мальчика, чем на зверя. Если позволите, сколько тебе лет, Лазарь? Тебе действительно тринадцать лет?»

«Я постарел всего на семь лет».

Николай покачал головой, в уголке его рта играла легкая улыбка: «Удивительно.

Возможно, разница в упомянутом и реальном возрасте была призвана скрыть и вашу необычную комплекцию. Как же умно поступил твой отец. Теперь я знаю, что твоя спина на самом деле не сутулая, как могли бы предположить утверждения в аббатстве». Это спрятанные и скрытые крылья, да?

Лазарь резко поднялся на ноги. «Я не хочу больше говорить, Николай».

Николай успокоил его: «Прости меня. Нет, садись! Я больше не буду говорить о твоем состоянии. Садись, сынок». Лазарь сел.

«Должен сказать, я давно восхищаюсь тобой, Лазарь. Ты никогда не был похож на других оруженосцев — тех, кто, как это часто случалось с большинством из них, сомневался в своей вере и долге и ссорился из-за пустяков. Ты всегда был спокоен, знал свои обязанности и обдумывал каждое слово, прежде чем произнести его».

Лазарь повернул голову к мешку с припасами, лежащему на полу пещеры. «Монах Одино сказал, что придет за мной, а ты пришел вместо него. Зачем ты принес его кровь в сосуде?»

«Откуда вы узнали?»

«Я чувствую его запах — это действительно Одино. Зачем он пролил свою кровь? Почему она теперь у тебя?»

Николай нервно переминался с ноги на ногу, переводя взгляд с мешка на Лазаря. Он глубоко вздохнул и выпрямился на камне. «Я должен тебе кое-что сказать, Лазарь».

«Монах Одино умер?» — спросил Лазарь.

«Да, это он, Лазарь».

Лазарь подавился. «Но как?»

«Этот капитан — тот самый человек, который убил твоего отца».

«Почему он их убил?»

«Потому что Иван и Одино защитили тебя».

В пещере воцарилась тишина, оба они смотрели в пламя. Лазарь произнес: «Тогда я

«Он должен убить этого капитана в ответ».

«Нет, Лазарь. Не убивай».

«Око за око!» — выплюнул Лазарь.

«Ты ведь не это имеешь в виду?»

Лазарус опустил плечи. «Нет, но я это чувствую».

«Я чувствую то же самое — Одино был мне как отец. И именно поэтому я сейчас здесь. Есть кое-что очень важное, что вы должны сделать».

"Что делать?"

Николас встал, подошел к мешку и начал в нем рыться. «Ты умеешь читать карту?»

«Да. Меня этому научил отец».

«Карты катакомб?»

«Я видел карты в скриптории. Я до сих пор их помню».

Николас вытащил из мешка сложенный пергамент.

«А какие именно карты вы помните?»

«Все они».

«Нет, а сколько человек твой отец принёс тебе посмотреть?»

«Однажды я попросил у отца новую карту, а он сказал, что уже показал мне все карты из скриптория».

Николай встал, почесав затылок. «Все они? В скриптории, должно быть, сотни карт . Все до единой; Боже мой». Николай окинул взглядом пол пещеры, снова погладил подбородок и спросил: «Скажи мне, Лазарь, из тех многочисленных карт аббатства, помнишь ли ты страну под названием Италия?»

Лазарь указал на юго-восток. «Она там — в том направлении — через Леонский залив и Тирренское море; к востоку от Сардинского острова. Италия по форме напоминает ваш сапог. Это...»

В основном он окружен морями, а через его низменную часть проходят горы. В его центре также находится Умбрия-Прованс. Монастырь Канчелло расположен там, к северу от центра.

Николай поднял бровь, совершенно ошеломленный. Затем он продолжил испытывать Лазаря.

продемонстрировав свои способности, в хитрой попытке дезориентировать и, возможно, поставить под сомнение собственные географические воспоминания: «А что же Королевство Шотландия?»

Лазарь указал в противоположном северо-западном направлении. «Вон там — через небольшой водный участок, к северу от английских земель».

«А где мой дом, Лазарь?»

«Деревня Ефрем находится на юге Бургундии», — указал Лазарь немного восточнее.

«Вон туда».

«А Мурат?»

«Туда».

Николай покачал головой. «Совершенно поразительно». Он кивнул. «Господь благословил тебя удивительным даром».

«Почему ты спрашиваешь меня о таких местах?» — спросил его Лазарь.

Николай глубоко вздохнул, вернулся к своему валуну и передал Лазарю сложенный пергамент. Лазарь развернул его и просмотрел. На странице была иллюстрация Франции, Италии, а также окружающих их стран и морей. «Я помню эту самую карту».

«Я полагаю, что так и есть, поскольку это написано в том же скриптории аббатства. Послушай меня, Лазарь».

Я пришел не только для того, чтобы принести вам провизию, но и чтобы выполнить последнюю просьбу брата Одно.

Он хочет, чтобы вы отправились в Италию — в монастырь дель Канчелло в Умбрии, — и

вы уже показали, что знаете его местонахождение. Там вам нужно вызвать брата

Сальвитино, пожилого монаха, очень хорошо осведомленного о деталях, касающихся Гатстоне.

Лазарь вспомнил свой разговор с Иваном, а также письмо и услугу, которую он ему был должен.

«Ты должна ему сказать...»

«Поехать в Италию?!» — перебил Лазарус.

«Позволь мне говорить, Лазарь. Ты должен сказать ему, что Камень Врат в аббатстве Гардиенс открыт. Скажи ему, что ты сын брата Ивана Гогу — с Камня Врат. Он узнает тебя по этому упоминанию. Кроме того, я принес сосуд с кровью. Ты должен отдать его...» Сальвитино, скажи ему: «Это кровь брата Одно. Тогда он будет знать, что с ней делать».

«Нет. Нет, я не могу», — пробормотал Лазарус, качая головой.

Николас продолжил: «Ты должен позвать брата Сальвитино, рассказать ему об этом и привести его обратно в аббатство. Брату Одно сказали, что он самый старший и самый почётный брат из всех».

Младший советник, и, возможно, единственный оставшийся в живых монах в аббатстве Гардиенс и монастыре Канчелло, обладающий знаниями, необходимыми для работы с Вратным камнем,

включая перевод его надписей, — чтобы правильно закрыть его. Он также может помочь вам с другими личными вопросами

«Что касается пожеланий вашего покойного отца, когда вы будете передавать ему флягу, будьте осторожны, чтобы не разбить её по дороге. Ваш отец был бы вами горд».

Лазарь резко поднялся, бросил карту на пол пещеры, отошел от огня и повернулся к Николаю. «Это слишком далеко. Отец сказал, что солнце... почему ты не можешь сходить за этим монахом и принести ему флягу, раз ты знаешь эти вещи?»

«Не могу. Меня ждёт дама».

«Дама?»

«В ожидании, даже... моя будущая жена, Марфа. А теперь иди сюда. Садись, Лазарь. Пожалуйста. Я расскажу тебе о моей дорогой Марфе».

«Но ты же ... разве ты не дал обетов безбрачия и воздержания?» Лазарь вернулся к огню и сел.

Николас отмахнулся от вопроса Лазаруса. «Она живет в Мурате — вдова покойного деревенского сапожника, царство ему небесное. Хотите услышать о ней?»

«Я бы согласился», — вздохнул Лазарус.

«Я познакомился с Мартой в результате самого странного происшествия». Николас попытался усмехнуться, прежде чем продолжить:

«Ну, не совсем. Меня всегда тянуло в местные сапожные мастерские, когда аббат Вониг отправлял меня в новую деревенскую церковь — видите ли, во мне проснулся настоящий сапожник».

«Примерно год назад аббат отправил меня в Мюрата помочь проконтролировать ремонт местной церкви. Вполне ожидаемо, во мне проснулся любопытный сапожник, и я направился в местную сапожную мастерскую. Увы. Не успел я открыть дверь, как мне в лицо попал брошенный ботинок». Последнее, что я помню, это каблук той туфли — до того момента, как проснулся.

«Когда я очнулся, мой взгляд упал на прекрасное зрелище». Он усмехнулся и погладил подбородок. «Я понял, что умер, потому что надо мной висело лицо Ангела — это была моя дорогая Марта, вытиравшая мой распухший нос влажной тряпкой. Она ухаживала за моим лицом, пока мы разговаривали».

«Позже я узнал, что она намеревалась бросить ботинок в дверь, но мое лицо оказалось на пути. После смерти мужа ей было трудно содержать магазин. Она говорила своим покупателям, что по ночам к ней приходит другой мужчина и работает над обувью, хотя на самом деле она работала над ней сама. Однако слухи распространились по деревенским молитвенным собраниям, и несколько женщин тайно ждали появления этого мужчины. Я узнал, что незадолго до моего приезда в ее магазин несколько женщин ушли, обвинив ее в том, что она настоящая сапожница, и сказав, что они сообщат всем ее покупателям, что над их обувью работает женщина».

«На следующий день жёны велели мужьям принести обувь, нуждающуюся в ремонте. Затем они внимательно за ней наблюдали. Женщины могут быть такими — даже злобными, если упрямы».

В общем, мой сапожник спас её. Я велел ей распахнуть дверь настежь и принялся за работу, пока она выходила на улицу. Я сильно шумел — стучал, бил и всё такое.

Николай рассмеялся. «Вы бы видели их лица. Магазин был полон любопытных женщин с открытыми ртами. Я делал вид, что не замечаю их, починив одну туфлю за другой — я понял, что с тех пор разучился ремеслу, но двигался как верный конь, каждая починка была выполнена идеально. Одна из них осмелилась спросить меня, всегда ли я чинил туфли Марты. „Ну, конечно, женщина“, — ответил я. „Или вы догадались, что туфли чинятся сами?“ Она бы не посмела задавать монаху больше вопросов». Он снова рассмеялся. «Марта спросила их, есть ли у них еще туфли для ее «священника-сапожника». О, выражение их лиц, когда они выходили из магазина. Я повернулась к ним спиной, чтобы скрыть смех».

«Не лжесвидетельствуй, Николай», — вмешался Лазарь.

Улыбка исчезла с лица Николаса. «Ну, я же не собирался сидеть сложа руки, пока Марта падает». К волкам. Иногда нам приходится оценивать, когда правда разрушает больше, чем ложь может исправить. Да, я солгал, Лазарь. Должен признаться, это была самая сладкая ложь, которую мне когда-либо приходилось говорить.

"Как же так?"

«За последний год мы с Мартой очень сблизились. Я помогал ей в магазине. Она пообещала мне выйти за меня замуж. Она продаст магазин и согласилась вернуться со мной в мою бывшую деревню в Бургундии. Я наконец-то возвращаюсь домой. Я надеюсь помириться с братом и предложить нам троим открыть сапожную мастерскую — возможно, если получится, купить старую мастерскую моего отца».

«Значит, вы нарушите свои священнические обеты, не так ли?»

«Нет, Лазарь. Я исправлю то, что сломал, сначала став священником. Господь никогда не хотел, чтобы я оставался монахом. Теперь я это понимаю. Он велел мне перестать прятаться — покинуть стены аббатства — вернуться домой и исправить свои прошлые ошибки».

«Я не понимаю», — ответил Лазарь.

«Господь часто действует особым образом, Лазарь. Даже я не понимал Его призвания». пока Марта не ударила меня этим сапогом. И с тех пор Он открыл мне глаза на мое истинное призвание». Николас опустил голову: «Как жаль, что мой отец не дожил до моего возвращения». Он бы полюбил Марту.

«Возможно, вы считаете, что Господь направляет вас сейчас только потому, что вы любите Марфу, и что вы так сильно этого желаете, что, возможно, верите, будто вас ведет воля Божья? Зачем Господу уводить вас, чтобы вы стали монахом, только для того, чтобы потом вернуть вас домой?»

«Возможно, чтобы найти себя, Лазарь. Я часто задавался тем же вопросом, но я слышал, как Он говорил со мной — в глубине души я знаю, что Он направляет меня».

«И разве Он также велел тебе лгать женщинам в Мурате, брат?»

Николай нахмурился. «Нет». Он, всё больше раздражаясь, изменил позу. «Скажи мне, Лазарь, ты чувствуешь, что стараешься повиноваться воле Божьей?»
"Я делаю."

«И разве вы повиновались Его воле, когда лгали аббатству, притворяясь больными воздушной болезнью?»

«Я сделал, как мне было велено». Лазарь опустил голову.

«Я глубоко уважал твоего отца, Лазарь. Я не ставлю под сомнение его суждения в отношении тебя, но всё же должен спросить: почему ты считаешь, что он лгал всем о тебе?»

«Чтобы защитить меня от беды. Он мой отец».

«Я солгал, чтобы уберечь Марту от зла».

«Однако они бы не убили Марту, если бы узнали правду о ней».

«Разве ложь не является ложью ни при каких обстоятельствах? В данных обстоятельствах я сделал то, что, как мне казалось, было правильным, и этот поступок, каким бы неправильным он ни казался, был совершен во благо. Ты все еще ... тебе еще многому предстоит научиться, Лазарь».

«Возможно», — коротко ответил Лазарь. Он смотрел на танцующее пламя, вспоминая свой прошлый разговор с заключенным, который клялся Истиной и называл себя лишь «бедняком во Христе». Он размышлял о том, что к настоящему времени этот человек исповедал всю свою правду и был «сожжен дотла» за это.

«Так что же это за Камень Ворот, Лазарь?»

"Вы не знаете?"

«Я никогда не был монахом Нижнего совета и не имел доступа к их рукописям — я был просто обычным монахом, как и большинство в аббатстве».

«Это ворота, но другого рода. Нам не следует о них говорить».

«В ад, ты имеешь в виду?»

"Да."

«Я слышал подобные слухи, как и многие другие».

Лазарь зашевелился. Его начали беспокоить непрекращающиеся вопросы Николая. Как давние члены Нижнего совета, старшие монахи, Иван и Одино категорически запрещали бы ему обсуждать подобные вопросы, которые считались исключительно предметом тайных разговоров старших монахов. В ходе кажущихся неустанными расспросов подозрения Лазаря в отношении монаха росли.

Николас продолжил: «И что еще: ходят слухи, что в городе обитает призрак женщины». Территория аббатства — проникая в сны. Откуда это — с Гейтстоуна?

«Она... ну... э-э... Николас, ты же не расскажешь солдатам, что я прячусь в Маунтин-Маус, правда?»
ТЫ?"

«Не беспокойся, Лазарь. Я не собираюсь возвращаться в аббатство — оно полностью разрушено огнем и обрушилось».

Лазарус вмешался: «Вы должны сказать кому-нибудь, чтобы он позвал брата Сальвитино — чтобы тот закрыл Ворота! Неужели в аббатстве никого нет?»

Николас покачал головой. «Я никогда больше не ступлю ни на йоту за обгоревшие стены аббатства. Зная то, что я знаю сейчас, мне нет дела до ада, врат ада или легиона безжалостных солдат, от которых мне едва удалось сбежать. Нет, я иду к Мурату, чтобы забрать Марту. И мы покинем это зловещее место далеко позади».

«Как можно не беспокоиться, если Gatestone открыт?»

«Мне не всё равно. Именно это во многом объясняет, почему я дал Одино слово прийти в пещеру и доставить тебе припасы. И, как человек слова, я доставил их». Он исполнил свое желание и рассказал вам все, что хотел, чтобы вы знали — ну, почти все. И это ещё не всё. Брат Одино заставил меня поклясться, что я попрошу вас дать слово. «Чтобы вы привели брата Сальвитино к открытым воротам аббатства, чтобы он попытался снова их закрыть».

«Моё слово?» — Лазарь спустился с валуна и поднялся. — «Я не могу этому доверять!»

Я не могу этого сделать!

«Одино сказал, что надеется, что ты ответишь так, как ответил бы твой отец. Это были последние слова, которые он прошептал мне, Лазарю, — что ты будешь таким же, как твой отец, и даже больше». «Это уже слишком».

«Понимаю», — Николай опустил голову и уставился в пламя. Лазарь застыл на месте.

«Что ты понял?» — наконец спросил Лазарь.

«Я бы тоже не смогла этого сделать, если бы Одино меня попросил — и Марта тоже».

«И это всё? И «Врата» остаются открытыми?» — спросил Лазарус, пожав плечами.

«Я сделал всё, что Одино от меня ожидал. Остальное он ожидает от тебя. И поскольку ты сделал свой выбор — увы, я полагаю, что Воротный камень остаётся в силе».

«Однако ты знаешь, что я не могу, Николас. Я не могу идти в свете. Я не могу идти в Италию — это слишком далеко. Брат Одино спрашивает меня, чего я не могу сделать. Это слишком много, брат!»

Николай поднял голову и встретился взглядом с Лазарем: «Он никогда не предполагал, что ты пойдешь пешком в Италию». В пещере воцарилась тишина.

Наконец Лазарь произнес: «Я не могу сделать то, что вы, возможно, поняли».

«А ты когда-нибудь пробовал?» Лазарь ничего не ответил. Николай схватил свежую палку из кучи топлива и воткнул её конец в самое сердце огня, осторожно поворачивая, пока она ярко не вспыхнула. «Возможно, я смогу тебя переубедить». Николай поднял горящий факел и встал. «Пойдем». Он повернулся и направился вглубь пещеры к узкому смолянному входу в грот. Лазарь последовал за ним.

«Знаете, я обнаружил эту пещеру вскоре после того, как прибыл в аббатство».

«Устье горы», — добавил Лазарус.

«Вы тоже это видели — лицо на скалах?»

«Да. Но, Николас, почему ты ехал так далеко от аббатства?»

«Размышляю, обдумываю разные вещи. Наверное, ищу себя. Мне нравится гулять и размышлять о разных вещах».

«И ты нашел себя?» — спросил его Лазарь. Николай услышал в его голосе сарказм. слова.

«Вместо этого я нашел Горный Уст», — рассмеялся Николас. Они вошли через пещерный проход. Николас, пригнувшись, продолжил путь с факелом в руке, а Лазарь следовал позади, постоянно опасаясь низкого скального потолка между ними.

«Куда мы идём?»

«Вперёд. Идите».

«Я это понял», — проворчал Лазарус. Николас усмехнулся. Они вдвоем замялись.

Пройдя через проход, они обнаружили, что его стены обрушились, открыв огромную пещеру, влажный воздух которой был пропитан едким запахом. Озаренные светом, освещавшим пол, они подошли к ее центру. «Что это за запах?» — спросил Лазарь. «Здесь что-то есть». Лазарь оглядел темноту.

«Да, твои учителя. Они могут научить тебя летать, Лазарь». Николай остановился и обернулся .

«Кто? Как?»

«Лучший способ». Николас резко поднял факел, открыв вид на высокий потолок пещеры, полностью заполненный большими подковоносими летучими мышами. Лазарус стоял в благоговении, рассматривая верхние пещерные образования, в то время как десять тысяч блестящих черных глаз смотрели на него сверху вниз.

«Крысы?» — спросил Лазарь. Несколько летучих мышей спустились с потолка и начали кружить по пещере.

«Смотрите!» — Лазарь указал на них, — «Они летят!»

«Да, это летучие мыши. А летучие мыши летают. Они покидают пещеру с закатом солнца. Они едят и возвращаются до рассвета. Сейчас они отдыхают. Меня всегда завораживали летучие мыши».

«Летучие мыши — как птицы», — пробормотал Лазарус себе под нос, заигнотизированный и уставившийся в потолок.

«Летучие мыши отличаются от птиц. Летучие мыши летают ночью, когда птицы отдыхают. А днем они...»

Отдыхайте, когда птицы летают. С восходом и закатом солнца они по очереди господствуют в небесах.

Николас рассмеялся. «Это я его нашел. Я вспомнил, как Одино говорил мне, что ты хочешь увидеть птицу, поэтому я принес ее ему». Николас уставился в потолок.

«Оно уже было мертво?»

«Да, лежит среди камней вдоль дороги к аббатству. Я много ходил по этой дороге и много чего нашел».

«Можно мне факел?» — спросил Лазарь. Николай посмотрел вниз и увидел Лазаря с протянутой рукой.

«Я могу поддержать его повыше для тебя, Лазарь». Николай поднял его как можно выше, чтобы лучше осветить потолок.

«Можно мне поддержать факел?» — снова спросил Лазарус. Николас опустил взгляд.

«Если хочешь». Николай дал ему горящую палку. Лазарь поднял её высоко и обошёл грот, осматривая потолок, а Николай остался на месте.

«И они летают только ночью?» — окликнул его Лазарь, и его слова эхом разнеслись по залу пещера.

«Только тогда», — ответил Николас.

Спустя некоторое время Лазарь и Николай вернулись во внешнюю пещеру и раздули огонь.

«Спрашиваю тебя ещё раз, Лазарь, за Одино ?

«Я не летучая мышь», — ответил Лазарь.

«А Одино никогда бы не попросил об этом летучую мышь», — ответил Николас.

«Если я скажу, что сделаю это, а потом не смогу выполнить?»

«Когда я рассказал Одино о Марте и о своих планах покинуть аббатство, он сказал мне следующее: „ Лучше посвятить себя делу и потерпеть неудачу, чем потерпеть неудачу из-за отсутствия преданности“. Видите ли, Лазарь, честь основана на делах, а не только на словах. Он просил тебя лишь дать слово, что ты постарайся. Ответь мне еще раз, и я больше не буду беспокоить тебя последней просьбой брата Одино.

«Италия так далеко , а солнце?» — Лазарь взглянул на вход в грот.

«Твой ответ, Лазарь?» Последовала тишина.

Лазарь ответил: «Я... да». С пола пещеры, рядом со своей варежкой, Лазарь поднял карту и просмотрел её: «Я дам обещание — лишь то, что попытаюсь позвать монаха — только это».

Николас улыбнулся и похлопал мальчика по плечу. «И от тебя требуется не больше, чем...»

«Твоя достойная попытка. Иван бы тобой гордился». Лазарь всхлипнул — только тогда Николай понял, что Лазарь плачет под маской.

«В чём дело?» — спросил Николас.

«Ничего страшного, братишка; я сам это сделаю». Лазарь собрался с мыслями. «Я позову брата Сальвитино», чтобы он мог помочь нам с камнем Гейтса».

«Хорошо сказано. Ты больше похож на своего отца, чем на кого-либо ещё», — мальчик вытер глаза о внутреннюю сторону маски. «Ты голоден? Здесь всего предостаточно».

«Да», — признался Лазарь. Николай подошел к импровизированному мешку и вытащил оттуда рулеты из ткани с мясом и хлебом. Он взял флягу с водой и подал ужин Лазарю на колени, после чего вернулся на свое место.

«Ты не будешь есть?» — спросил Лазарь, глядя на пустые руки и колени монаха.

«Эти припасы ваши — я так понимаю, их хватит примерно на месяц для одного мальчика, если вы постараетесь, чтобы их хватило». Лазарь уставился на него. «Ну, тогда вперед! Ешь!» Мальчик принялся за еду.

Лазарь ужинал, пока Николай развлекал его разговорами — время шло. Наконец, Лазарь запил еду и снова заткнул пробкой флягу с водой. Николай отнес ее обратно в мешок.

«Ешьте умеренно и пейте много воды во время еды — это наполняет желудок», — сказал Николас. отдал распоряжение, перекрикивая через плечо.

Лазарь последовал за ним: «Я так и сделаю».

«Что ж, Лазарь, пришло время отправиться в Мурат. На некоторое время ты останешься в безопасности в Горном Устье — в эти отдаленные места никто не ходит. У тебя есть месяц, чтобы подготовиться к путешествию. Потренируйся пользоваться крыльями, которые дал тебе Господь. Учись их использовать у летучих мышей наверху».

— Не хочешь остаться на вечер? — спросил его Лазарь. — Ты мог бы поспать и освежиться... — «Нет, Лазарь, я должен идти. Меня ждёт Марфа. У тебя всё получится, я уверена». Лазарь опустил голову и плечи.

Они обнялись в последний раз, и Лазарь посмотрел из пещеры, когда Николай скрылся за гребнем холма. Он вернулся к костру и подбросил еще несколько сухих веток. Он сел и погрелся, размышляя о летучих мышах и о данном обещании – торжественном обещании привести монаха. Его взгляд был прикован к пламени. Наконец, Лазарь нашел деревянный молитвенный крест Ивана, который теперь висел у него на шее. Он вытащил его и покрутил между пальцами, почти так же, как это всегда делал его отец.

В пламени он заметил черного жука, выползающего из трещины в дымящейся сухой ветке; жук осторожно кружил в танцующем пламени, спускаясь по горячей ветке. Взгляд Лазаря проследил за жуком, когда тот спрыгнул на прохладный пол.

Он выскочил из пещеры и отлетел на безопасное расстояние. Остановился, расправил крылья и полетел к входу в пещеру. В тёплой одежде, с усталыми конечностями и сытым желудком, он начал дремать прямо на месте. Его голова покачивалась и подрагивала, он то засыпал, то резко просыпался. Наконец, он покинул тёплое сияние костра и нашёл узкий уголок в стене, где укрылся в последнем надёжном и знакомом месте, оставшемся у него. Этот вечно бурлящий мир снов.

~*~

Большую часть следующего дня Лазарь исследовал свой новый дом — черные катакомбы с извилистыми коридорами, неровными поверхностями и соединенными между собой пещерами. Запах и звук капающей воды манили его, и он поднялся по узкому проходу, который петлял высоко в склоне горы. Проход расширился в небольшую пещеру, где большая часть пола представляла собой неглубокий водоем, питаемый капающим потолком.

Много раз в течение дня Лазарь прищурился, выглядывая из пещеры. Его глаза осматривали пейзаж, залитый солнечным светом, и даже сквозь одежду он чувствовал невыносимый жар, исходящий от выжженной каменной долины. Лазарь перенёс свои припасы вглубь горы, через узкий проход, в грот летучих мышей.

Наступили сумерки. Лазарь разжег новый костер внутри грота; его свет осветил потолок и тысячи летучих мышей. По мере того как пещера нагревалась, а дым от костра поднимался к потолку, свод пещеры ожил. И сотни летучих мышей спрыгнули со своих насестов и начали кружить над пещерой. Их становилось все больше и больше, пока пещера не заполнилась ими.

Лазарь усмехнулся. Он встал и раскинул руки, когда вихрь крыльев поглотил его. Они сели на его мантию, перелезли через него и снова взлетели. Лазарь сорвал с себя капюшон, обнажив широкую улыбку. Он заправил маску в веревочный пояс, пока летучие мыши ползали по его волосам. Лазарь ходил кругами с поднятыми руками, покрытыми летучими мышами. Его смех перерос в смех, эхом разнесшийся по пещере. В вихре трепещущих крыльев Лазарь вальсировал по гроту, истерически смеясь и спотыкаясь, как пьяный Одино.

За пределами пещеры, над покрытыми золотом холмами восточной провинции Овернь, разворачивалась удивительная, невидимая и недолговечная драма — из всех гор Франции, эта казалось, что восходящая луна одарила лишь одного человека, внешне выглядевшего странно, нисходящей улыбкой.

Гора, разинув рот в истерическом смехе, извергала клубы летучих мышей, которые роились вокруг ее скалы. Однако летучие мыши вскоре покинули верхушки деревьев и исчезли; и некогда эхом разносившийся смех горы постепенно перерос в смешанные стоны скорби — в ужасные крики боли и одиночества — в удушающую муку и прерывистое дыхание. Вопли непрерывного скорбного плача перерастали в ужасные, отвратительные звуки, настолько тревожные, что даже луна могла бы смотреть сверху вниз и плакать из-за воющего Горного Пасти.

[Конец главы 9]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~